

Theatre and Music. Rus[skiy] Ved[omosti]. 1913, December 5, no. 280, p. 5.

Театр и музыка. Рус. вед. 1913. 5 декабря, № 280. С. 5.

Quoted in Val'kova, S. V. Rachmaninoff: Chronicle of Life and Works, vol. 2, p. 489

Rachmaninoff became known first and foremost for his compositions. The famous C sharp minor Prelude paved the way for this, making the rounds of concert stages around the world and thus easing the way for the composer's other works. And no matter how you approach Rachmaninoff's work, you can't help but admit that it is a truly monumental achievement. When you listen to his trio, or his Second Concerto, or his Cello Sonata, or "Francesca," or something better, you think: This is someone born to write! Drop everything and write! But Rachmaninoff is also a conductor. When he first took to the stage (some 15 years ago, at the Hermitage Private Opera), something extraordinary and brilliant immediately shone through. Now, in my opinion, Rachmaninoff is one of the world's finest conductors. He doesn't always succeed equally well, but when he does, he can be untouchable. And listening to Rachmaninoff conduct "A Life for the Tsar," or "The Queen of Spades," or a Tchaikovsky symphony, or a Grieg suite, you think: This is someone born to conduct! Drop everything and conduct!

But Rachmaninoff is also a pianist. He once stopped playing publicly, but in recent years he has been performing again. And each of his performances is a true celebration of piano mastery in the highest sense of the word. Scriabin, Medtner, and Debussy are all captivating at the piano, but they are pianists who perform their own works, which highlight their pure pianistic qualities most clearly. Rachmaninoff also mostly plays his own works, but it's clear from the first listen that his pianism is far broader than these and represents a formidable artistic force in itself. He is one of the most remarkable modern piano masters. And while rapt in the presence of Rachmaninoff performing the Tchaikovsky concerto or his own works, you think: This is someone born to play the piano! Drop everything and play! With this "deity in three persons," Rachmaninoff recalls such great musicians of the old school as Liszt or Rubinstein. I even heard the opinion that only people who have passed through the orchestra (such were Liszt, Rubinstein, and now d'Albert and Busoni) can play like Rachmaninoff. For only an orchestra can teach this richness and beauty of timbres, this clarity and relief of voices, this energy and variety of rhythm, this intricate and at the same time harmonically unified polymorphy of piano reproduction. It is an interesting idea, though it requires a more detailed justification. In any case, it is certain that the first-class virtuosity of even such a great "non-orchestral" pianist as Hofmann, for example, is indeed of a somewhat different, more purely pianistic type than that of d'Albert, Busoni, or Rachmaninoff.

At his concert, Rachmaninoff performed his own works. The entire first half of the program was taken up by his new, as yet unpublished Piano Sonata in B flat minor (Op. 36). It's difficult to write about a work you're hearing for the first time, but the difficulty increases when that work fails to meet the expectations placed on a composer you've come to love. The sonata, "on first reading," gives the impression of what's best described as an "interesting work": serious thought, masterful development, superb piano style—in short, plenty of "cool, intellectual observation," but, alas! little "heartfelt, sorrowful observation." And in summing up the music, the "heartfelt observations" column is, after all, the most

important. Perhaps, however, with a second "article-by-article reading," this impression of coldness and aridity will disappear.

Among the new pieces, the program also included a charming piano transcription of Rachmaninoff's romance "Lilacs." Everything else had been performed before. Among this select flowerbed of Rachmaninoff's lyre, I'd like to draw special attention to the relatively new, as yet less well-known, opus 33: "Etudes-tableaux." Perhaps these "pictures" were born from certain visual impressions, but above all, they are genuine psychic embodiments, genuine "crystallizations of the spirit," whose emotional richness is in no way diminished by their accompanying technical significance. In the composer's incomparable performance, each of the "pictures" rose to the brilliance of a living individual (the last one, less so than the others, being less original in itself).

Rachmaninoff performed the famous Barcarolle twice: the first time simply superbly, the second time with such heartfelt emotion (and, moreover, "differently"), as only Rachmaninoff can perform in a moment of inspiration. The equally famous Prelude-March in G minor, [op.] 23, was played at such an incredibly fast tempo that, in my duty as a critical conscience, I should have stood up for the composer to the pianist, who, due to the fury of the onslaught, inevitably weakened the strength and rigor of the rhythmic line. But... let Rachmaninoff himself stand up for Rachmaninoff. Yu. E. [Yu. Engel]

[Translation: Google]

Рахманинов стал известен раньше всего своими композициями. Дорогу проложила здесь знаменитая cis-moll'ная прелюдия, обошедшая концертные эстрады всего мира и тем облегчившая путь для других произведений композитора. И как ни подходить к творчеству Рахманинова, нельзя не признать, что это - величина очень крупная. Когда слушаешь его трио или Второй концерт, или Виолончельную сонату, или «Франческу», или другое, лучше, думаешь: Вот кто рожден писать! Бросить все и писать!

Но Рахманинов еще и дирижер. Когда он впервые (лет 15 тому назад, в частной опере «Эрмитажа») вы-ступил на дирижерском поприще, сразу и здесь блеснуло нечто чрезвычайное, яркое. Теперь, на мой взгляд, Рахманинов один из лучших дирижеров в мире. Не все ему одинаково удастся, но в удачном он может быть недостижим. И слушая, как Рахманинов проводит «Жизнь за царя», или «Пиковую даму», или симфонию Чайковского, или сюиты Грига, думаешь: Вот кто рожден дирижировать! Бросить все и дирижировать!

Но Рахманинов еще и пианист. Одно время он перестал было играть публично, но в последние годы вновь выступает. И каждое его выступление истинный праздник фортепианной maestria в высшем значении слова. И Скрябин, и Метнер, и Дебюсси чаруют за фортепиано, но это пианисты для собственных сочинений, в связи с которыми ярче всего выдвигаются и их чисто пианистические достоинства.

Рахманинов тоже большей частью играет собственные произведения, но с первого раза видно, что его пианизм гораздо шире их и сам по себе представляет огромную художественную силу. Это один из замечательнейших современных мастеров фортепиано. И в увлечении тем, как Рахманинов исполняет концерт Чайковского или собственные вещи, думаешь: Вот кто рожден играть на фортепиано! Бросить все и играть!

Этим «в трех лицах божеством» Рахманинов напоминает таких больших музыкантов старого закала, как Лист или Рубинштейн. Мне пришлось слышать даже мнение, что так играть, как Рахманинов, могут только люди, прошедшие через оркестр (таковы и были Лист, Рубинштейн, теперь д'Альбер, Бузони). Ибо только оркестр может научить этому богатству и красоте тембров, этой ясности и рельефности выделения голосов, этой энергии и многообразию ритма, в том, этой сложнейшей и в то же время гармонически объединенной полиморфонии фортепианного воспроизведения. Мысль интересная, хотя и требующая более слоточного детального обоснования. Во всяком случае несомненно, что первоклассная виртуозность даже та-кого, например, великого «внеоркестрового» пианиста, как Гофман, действительно, несколько иного, более чисто пианистического типа, чем у д'Альбера, Бузони или Рахманинова.

В своем концерте Рахманинов выступил с собственными произведениями. Все первое отделение про-граммы заняла новая, еще неизданная фортепианная соната b-moll (op. 36). Трудно писать о сочинении, которое слышишь впервые, но трудность еще возрастает, когда это сочинение не удовлетворяет ожиданий, возлагаемых на автора, которого привык любить. Соната «в первом чтении» производит впечатление того, что в лучшем смысле называют «интересным сочинением»: серьезность мысли, мастерская разработка, превосходный фортепианный стиль, словом, много «ума холодных наблюдений», но, увы! мало «сердца горестных замет». А в подведении музыкальных итогов графа «сердечных замет» все-таки главнейшая. Может быть, однако, при повторительном «постатейном чтении» это впечатление холодности, сухости исчезнет.

Из новых вещей в программу вошла еще милая фортепианная транскрипция романса «Сирень» Рахманинова же. Все остальное исполнялось и раньше. Среди этого избранного цветника рахманиновской лиры хочется обратить особое внимание на сравнительно но-вый, пока менее известный opus 33: «Etudes-tableaux». Может быть, эти «картины» родились в связи с какими-нибудь зрительными впечатлениями, но прежде всего это подлинные психические воплощения, подлинные «кристаллизации духа», эмоциональная содержательность которых нисколько не умаляется их попутным техническим значением. В несравненном исполнении автора каждая из «картин» поднялась до яркости живо-го индивидуума (меньше других последняя, сама по себе менее оригинальная).

Известную Баркаролу Рахманинов исполнил дважды: в первый раз просто превосходно, во второй раз так проникновенно (и притом «по-иному»), как может сыграть только Рахманинов в минуту вдохновения. Не менее известную прелюдию-марш g-moll, [op.] 23, артист сыграл в таком невероятно быстром темпе, что по долгу критической совести я должен был бы заступиться перед пианистом за композитора, у которого при этом за счет ярости натиска неизбежно ослабилась сила и строгость ритмической линии. Но... пускай уж за Рахманинова заступается сам Рахманинов.